

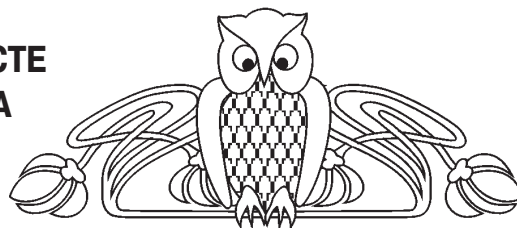

УДК 81.27

СОЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ МНОГОЯЗЫЧИЯ И МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

Б. Р. Могилевич

Саратовский государственный университет
E-mail: mogilevich@sgu.ru

Многоязычие обусловлено гетерогенным составом современного мира наций. Социальная функция языка наиболее полно представлена в становлении национальной идентичности и образовании национального государства. Язык отражает противоречие глобального и локального компонентов в эпоху глобализма.

Ключевые слова: многоязычие, глобальность/локальность, национальная идентичность.

The Social Function of a Language in the Context of Multilingualism and Multiculturalism

B. R. Mogilevich

Multilingualism is conditioned by heterogeneous composition of modern world of nations. The social function of a language is represented in the formation of national identity and national state. The language reflects the contradiction of global and local components under globalism.

Key words: multilingualism, global/local, national identity.

Все индивиды – носители языка – выполняют свои социальные роли, используя какой-либо язык или несколько языков. Изучение многоязычия и мультикультурализма связано с исследованиями проблем наций, национальной идентичности и национальных государств. Многие ученые определяют нацию как общую территорию, где проживают люди и их правительство, расположенное в одном месте (столице)¹. Например, британская нация состоит из англичан, шотландцев, валлийцев и северных ирландцев. Понятие «нация» в этимологическом (узком) контексте означает группу людей, связанных происхождением, – такие народы, как майя, майори. Широкое понимание этого явления учитывает общую территорию, законы, границы и предполагает использование термина «национальное государство»: Исландия – и нация (исландцы), и национальное государство. В то же время, Шотландия и Уэльс – это не национальные государства, а шотландцы и валлийцы – нации в этимологическом понимании. Совпадений понятий «нация» и «национальное государство» в узком и широком контекстах практически не существует.

Уже на заре истории человечества люди умели говорить, но их говоры зачастую были непонятны друг другу. Эти говоры оформились в языки только с возникновением национальных государств. Другими словами, нации создали языки². В средние века в Европе не было официально

народных языков, а вся письменная коммуникация использовала латынь. Например, жители одной части Франции не понимали жителей других регионов страны. Письменности на народных языках не существовало, а грамматика как отрасль научного изучения возникла только в XVIII в. с образованием современных государств, что означало единообразие и централизацию всего образа жизни. М. Фуко называл это явление «дисциплинарным обществом»³. Дисциплинарное общество обуславливало создание и функционирование общей для всего населения грамматической системы языка, используемого в законодательстве, управлении, образовании, сборе налогов.

Многие видные исследователи в области социологии, истории и социальной антропологии изучали проблему национального государства в тесной взаимосвязи со становлением языков на основе отдельных диалектов и говоров. Так, Э. Геллнер полагал, что индустриализация производства обусловила становление обучения и образования по установленным стандартам⁴. Б. Андерсон связывает образование национального государства с изобретением книгопечатания и исчезновением латыни из народного употребления. Более того, национальное государство способствовало приобретению периферийных регионов к капиталистическому способу производства в промышленности, образовании, сельском хозяйстве⁵. В настоящее время нации и государства являются основными формами существования человечества и представляют собой «международный мир наций»⁶. Это непреложный факт человеческой истории, а идея национального государства является международной идеологией. Именно феномен национального государства порождает феномен национализма, основополагающим принципом которого является совпадение политической и национальной характеристик. Национальное государство предполагает существование национальной культуры, вооруженных сил, институтов принуждения, насилия и налогообложения. Национализм заставляет людей считать «естественным» насилие и авторитарность государства. Все национальные государства представляли собой новые формы правления, какие были неизвестны человечеству раньше. Э. Гидденс определял национальное государство как «совокупность институциональных форм управления, поддерживающих административную монополию определенной территорией

(границы), господство которых санкционировано законом и прямым контролем над средствами внутреннего и внешнего принуждения и насилия; а все государства существуют в комплексе других национальных государств»⁷.

В X главе Книги Бытия описание судеб сыновей Ноя – Сима, Хама и Иафета – заканчивается следующей фразой: «От них (семи сыновей и семи внуков Иафета) – населились острова народов в землях их, каждый по языку своему, по племенам своим, в народах своих» (Б. 10:5). В XI главе Книги Бытия описывается время, когда «на всей земле был один язык и одно наречие». Наличие национальной идентичности означает стремление людей к сплочённости, но отсутствие национального языка является одним из препятствий при ее определении.

Важнейший вклад в исследование наций, национальной идентичности внёс Э. Кедури, который считал, что язык является одной из составляющих дискурса нации и национальной идентичности. По его мнению, ещё в 1806 г. И. Г. Фихте определял язык одной из определяющих особенностей нации, а люди, говорящие на одном языке, по своей природе расположены к взаимопониманию, так как представляют собой единое целое. И. Г. Фихте называл язык внутренней духовной границей, которая устанавливает внешние (территориальные) границы проживания одной нации в одном месте (национальном государстве)⁸. Взгляды И. Г. Фихте сыграли огромную роль в объединении немецкого народа в единое государство и его восстании против правления Наполеона. Главной целью было спасение немецкой нации, языка и культуры, и она была достигнута. Э. Ренан, был основоположником новых идей о сущности национализма и национальной идентичности, считал, что нация есть не что иное, как *вте* («дух» и «душа»), то есть воспоминание и желание их сохранить; причём нация как душа представляет собой совокупность двух составляющих – прошлого и настоящего, сочетание прошлого наследия и стремления это наследие сохранить⁹.

Дальнейшие исследования национальной идентичности, нации и национальных языков возникли после окончания Второй мировой войны, заставившей многих учёных рассматривать эти проблемы с точки зрения людей, переживших фашизм, холокост, концентрационные лагеря, гибель друзей и родственников. Э. Геллнер в отличие от Э. Кедури на первых порах считал, что нации возникли в результате важных социальных и экономических перемен, повлекших за собой миграцию населения из деревни в город, где традиционные сельские и племенные устои заменились другими социокультурными характеристиками, основными из которых были язык и печатная культура. Появились новые ценностные иерархии, основой которых был общий язык и грамотность. Стремление к сохранению этничности нашло своё выражение в националистических устремлениях.

Э. Геллнер, учитывая огромную роль языка в дискурсе наций, придавал большое значение его роли в образовании, поддержке культуры. По его мнению, национальное государство и стремление наций к национальной идентичности являются неизбежным социальным ответом человечества на изменение социальных условий; более того, нация – это сугубо социальное явление, а единство нации основано не только на языке и общем социокультурном прошлом, но и общем пренебрежении различиями, забываний того времени, когда люди не были нациями. Дальнейшее развитие взглядов Э. Ренана и Э. Геллнера было сделано Б. Андерсоном, который определял нации как «воображаемые политические сообщества». Согласно Б. Андерсону, нации воображаемы вследствие того, что очень малое количество членов одной нации знают друг друга, но их менталитет настроен на единство и общность взглядов и целей. «Воображаемое сообщество наций» есть, по Б. Андерсону, «глубокое, горизонтальное товарищество»¹⁰.

Общая территория проживания стала доминировать над религиозными и классовыми различиями, а национальный язык был тем инструментом, который «связывал воедино братство, власть и время». Если Б. Андерсон характеризует языки как что-то данное, служащее основой национального государства, то Э. Хобсбаум полагает, что в основе их образования лежат глубокие социально-экономические причины, а язык представляет собой «первооснову национальной культуры и глубочайших истоков национального самосознания»¹¹. Обычно это результат попыток построить единый образцовый язык из множества реально существующих в живой речи вариантов, которые низводятся затем до уровня «диалектов». Э. Хобсбаум, будучи выдающимся специалистом в области экономической истории, дал ёмкое и точное определение стандартного (национально-официального языка), какое не смог сделать ни один лингвист, специализирующийся в области истории языка. «Стандартный язык – некая платоновская идея языка, которая скрыто существует во всех его несовершенных вариантах»¹².

Исторически стандартные языки использовались интеллектуальной элитой, но школьное, а затем и профессиональное образование распространяет его (язык) в собственность всей нации (всех социальных классов). Низшие и средние классы, не занимающиеся физическим трудом и получившие профессиональное образование, становятся социально-культурными посредниками между элитой и народом и, следуя нормам национального языка, в частности в общении со своими детьми, способствуют их успешной социализации в будущем и укреплению позиций национального языка в настоящем. Э. Хобсбаум полагал, что именно представители мелких буржуазных слоёв, стремясь укрепить своё социальное положение и видя в правильном использовании языка гарантию

уважения со стороны высших классов, как никто другие способствовали созданию национально-официальных языков. В конце XIX в. этнические характеристики, и язык прежде всего, становятся основными в определении национальной государственности. Классовый подход Э. Хобсбаума, который с 1936 по 1991 г. был членом Коммунистической партии Великобритании и следовал К. Марксу во всех своих научных исследованиях, определялся его социально-экономическим объяснением природы наций, национального государства и роли национального языка в их становлении. Если по Б. Андерсону язык – это как нечто априорное, данное изначально на котором базируется и национальная культура и национальное самосознание, то по мнению Э. Хобсбаума, национальный язык представляет собой результат выделения одного из языковых вариантов в главный, а все остальные варианты приобретают статус диалектов. Например, в XIX веке было запрещено преподавать и использовать валлийский и шотландский языки в школах Великобритании. Согласно Конституции 1982 г., в Турции запрещено использование в официальном общении языков национальных меньшинств.

Современный мир наций представляет собой мир многочисленных языков, обладающих формальным статусом, так как дисциплинарное сообщество предполагает общие языковые правила. Многоязычие представляет собой естественное явление в многонациональном мире, что обуславливает непонимание друг другом носителей разных языков. По мнению многих лингвистов, нет критериев определения понятности, а именно: критериев объема понятности; границ понятности и начала окончания понятности¹³. Например, шведский, датский, норвежский, будучи разными языками, понятны всем их носителями. Разговорный язык, которыми пользуются жители Осло, ближе к стандартному датскому, по сравнению с разговорными диалектами норвежских северян¹⁴. Установление языковых границ в пределах одного государства приобретает политическое значение, так как все остальные языки приобретают статус диалектов как языков, носители которых не являются победителями при создании государства. Например, правительство Турции отрицает существование курдского языка, хотя курдами являются жители горных районов страны¹⁵. Современный мир наций и многоязычия характеризуется многочисленными языковыми конфликтами. В их основе лежат социокультурные противоречия национальных идентичностей. В качестве примера можно привести заявление франкоязычных партий в Бельгии о необходимости разделения государства на конфедерацию независимых государств – голландскоязычную Фландрию и франкоязычную Валлонию.

В настоящее время во многих областях гуманитарного знания, особенно в социолингвистике и социологии языка, наметились две, на первый

взгляд, противоположные точки зрения на связь между языком, этничностью и социальной структурой общества в контексте глобализации всех сторон жизни человечества. Конструктивистский подход означает доминирование социальных, политических и экономических факторов в жизни наций и этнических групп, причем этничность обусловлена культурной идентичностью в локальном измерении. Представители этого направления базируют свою точку зрения на теориях М. Вебера, Э. Дюркгейма и К. Маркса. Согласно их мнению, культурная самобытность не влияет на социальную идентичность в условиях многообразия глобального мира, для которого доминирующими характеристиками являются массовость и стандартизация всех областей жизни. Представители примордиалистского подхода считают, что локальные социокультурные характеристики не утратили своего определяющего значения в период глобализации, более того, это значение возрастает как реакция на рациональность и унификацию¹⁶.

На самом деле главным различием между этими двумя подходами является противоречие между миром единого рынка мегакультур, мегаязыков и мегаценностей и миром этнического и социокультурного многообразия. Конструктивисты полагают, что в мире существует гораздо больше культур и языков, чем он может себе позволить и поддерживать. Эта точка зрения существует с времени падения Римской империи. Примордиалисты, выступая за сохранения многообразия культур и языков, подчеркивают подлинность, искренность и моральную ответственность поддержания и возвеличивания социокультурных истоков этничности и языков, обращаясь к историческим и культурным моделям прошлого. Конструктивисты вполне обоснованно обвиняют примордиалистов в недостоверности, субъективизме и искусственности доказательств. В свою очередь, конструктивизм обвиняют в постмодернистской отчужденности от общечеловеческих социокультурных ценностей.

Нельзя не согласиться с Д. Фишманом, известным социолингвистом и антропологом, что это противостояние обусловлено сложностями и противоречиями глобального мира нации и языков. Парламент Европейского союза в самом начале своего существования провозгласил принцип полноправности всех языков, используемых в странах – членах ЕС. Первые двенадцать стран использовали девять языков, что было совершенно приемлемо для работы Европейского парламента. В настоящее время действие этого принципа приостановлено в связи с вступлением очень большого числа государств в Европейский союз. С точки зрения конструктивистов, ЕС неизбежно сократит число рабочих языков. Причины носят не только экономический характер (растущие расходы на оплату деятельности переводчиков), но и социокультурный, так как языковое многообразие

ведет к междоусобицам. В действительности противоречие между конструктивистами и примордиалистами означает спор между эмпирическим взглядом на многоязычие и романтическим отношением к действительности. Довольно часто эти точки зрения используются одним и тем же государством при рассмотрении одного явления в зависимости от выгоды. Например, Франция выступает с позиции примордиализма, защищая французский язык от влияния английского языка, но проповедует конструктивистский подход по отношению к бретонцам, окситанцам и эльзасцам, требующим сохранения своих локальных языков и диалектов.

В настоящее время существует около 5000 языков, но многие из них обрели письменность только в XX в., следовательно, их носители испытывают трудности при получении образования. Примордиалисты считают необходимым создать двуязычные способы образования для носителей этих языков с целью облегчения их социализации и инкультурации.

Конструктивисты явно недооценивают влияние многоязычия на сохранение и приумножение общего богатства человечества. Носители локальных языков, являясь по большей части билингвами, научились использовать разные языки в разных областях социокультурной жизни в течение тысячелетий. Противоречия между конструктивистами и примордиалистами представляют собой в конечном итоге противостояние между плюрализмом и монизмом, глобализацией и сепаратизмом¹⁷. Эти противоречия находятся в контексте противостояния локальных культурных ценностей разных этносов и экономических процессов глобализации производства. Конструктивисты считают, что в мире исчезающих под натиском глобализации идентичностей и поглощения локальных экономик более крупными единственным способом улучшения положения народов, не имеющих или утерявших свое государство и язык, является принятие английского языка в качестве языка международного общения. Примордиалисты придерживаются мнения, что языковое планирование в виде статусного планирования для определения положения языка и корпусное планирование (создание правил грамматики и орфографии) представляет собой

рациональный выход из сложившейся ситуации.

Таким образом, многоязычие обусловлено гетерогенным социальным, социокультурным, экономическим и политическим составом мира. Оно является следствием интенсивного социального взаимодействия различных народов как представителей разных культур и уходит корнями в далекое прошлое.

Примечания

- 1 См.: Джозеф Д. Язык и национальная идентичность // Логос. 2005. № 4(49). С. 4.
- 2 См.: Биллиг М. Нации и языки // Логос. 2006. № 4(49). С. 61.
- 3 См.: Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 27.
- 4 См.: Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 68.
- 5 См.: Htch M. Social Preconditions of National Revisal in Europe. Cambridge, 1985. P. 82.
- 6 Биллиг М. Указ. соч. С. 53.
- 7 Giddens A. Social Theory and Modern Sociology. Cambridge, 1987. С. 171.
- 8 Fichte I. G. Addresses to the German Nation (1808). М., 2008. P. 49.
- 9 Renan E. Qu'est-ce qu'une nation? : Conference faite en Sorbonne, le 11 mars 1882. Paris, 1882. P. 38.
- 10 Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 24.
- 11 Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998. С. 86.
- 12 Там же.
- 13 См.: Comrie B. The Major Language of Western Europe. L., 1999. P. 22 ; Ruhlen A. A. Guide to the world Languages. Vol.1. Stanford, 1987. P. 46.
- 14 См.: Eriksen T. H. Ethnicity and Nationalism. L., 1993. P. 69.
- 15 См.: Entessar N. The Kurdish Mosaic of discord // Third Word Quarterly. L., 1989. P. 83–100.
- 16 См.: Фишман Д. Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами : связь между языком и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизни // Логос. 2003. 4(49). С. 117.
- 17 См.: Fishman J. A. Language and Nationalism : Futo Integrative Essays. Rowley, 1972. P. 92.